

Арина Ларина

ЗАПРЕТ НА ЛЮБОВЬ

УДК 82-3
ББК 84
Л25

Л25 **Ларина А.**
Запрет на любовь / Арина Ларина – М.: Литнет, 2026. – 252 с.

ISBN 978-5-524-01015-5

- Ты моя, Саша. Была моей и будешь.

- Я была твоей. А потом ты засунул язык в чужую девку. Так что нет, Демочка. Больше не твоя.

Демид Астахов. Мажор. Рок-звезда. Голос, от которого плачут стадионы. Мой лучший друг с детства, мой первый во всем. Пять лет он был моим миром. А я была душой, которая думала, что его мир - это я.

Его дружки решили, что одна девушка для Демона - это несолидно. Молодой, богатый, знаменитый -а спишь с одной и той же? Давай, братан, живи.

И он послушал. Не меня. Их.

Я запрятала свою любовь и разбитое сердце подальше и уехала. Не простила. Не потому что не люблю - люблю, в том-то и проблема. Просто есть вещи, которые нельзя простить, даже если всё внутри кричит «прости».

Два года привыкала жить так, будто его не существует.

А потом я вернулась на бабушкин юбилей. Три дня. Всего три дня. Подумаешь.

Я не знала, что он тоже будет там. И что у Демида Астахова на меня совсем другие планы.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436 - ФЗ.

ISBN 978-5-524-01015-5

© Литнет, 2026
© А. Ларина, 2026

Глава первая

Такси остановилось у служебного входа, и я несколько секунд просто сидела на заднем сиденье, как дура, залипнув в мокрое стекло. За окном – октябрь, Москва, серое здание концертного зала и мелкий противный дождь, от которого хочется чаю и теплый плед. Вообще не погода для романтики. Вообще не вайб. Но я сидела и улыбалась как ненормальная – так широко, что у меня реально болели щёки. Водитель уже дважды покосился на меня в зеркало. Наверное, подумал, что я сошла с ума.

Ладно, может, и сошла. От любви. Пять лет любви к одному и тому же человеку. На тупой, всепоглощающей, иррациональной уверенности, что мы с Демидом Астаховым – это навсегда. Типа соулмейтс, две половинки, вся эта романтическая херня, в которую нормальные люди не верят после шестнадцати. А мне двадцать – и я верю. Ну, потому что ненормальная.

Нормальные люди не срываются через весь город в десять вечера, в дождь, в тёмно-зелёном платье с открытыми плечами, прижимая к груди букет чёрных роз, завёрнутых в крафтовую бумагу. Нормальные люди не сдают зачёт по литературе досрочно только ради того, чтобы приехать к парню после концерта и увидеть его лицо, когда он откроет дверь гримёрки и увидит меня. Нормальные люди так не делают.

Но когда дело касалось Демида Астахова, я никогда не была нормальной. Я вылезла из такси и тут же пожалела, что не взяла зонт. Дождь мелкий, но противный – мгновенно осел на волосах, и я поняла, что полтора часа с феном и брашингом были потрачены впустую. Сейчас всё это добро начнёт виться в мои обычные кудряшки. Хотя Дёма всегда говорил, что ему нравятся мои кудри. «Ты как из фильма, – говорил, наматывая прядь на палец. – Такая... вся золотая». Он вообще нёс полный рандом, когда пытался делать

комплименты, но у меня от его рандома каждый раз что-то сжималось внутри. Каждый. Чёртов. Раз.

Я прижала к себе букет чёрных роз, завёрнутых в крафт, и подошла к служебному входу. Тяжёлая металлическая дверь была приоткрыта, из-за неё тянулась полоска тёплого жёлтого света. Обычно здесь стоял Гриша – их постоянный секьюрити, здоровый мужик с руками размером с мою голову и неожиданно добрым фейсом. Гриша меня всегда пропускал без вопросов, иногда подмигивал: «Давай, Сашуль, он там уже извёлся весь».

Но сегодня вместо Гриши у двери стоял Рафаэль.

Раф. Гитарист «Осколков». Высокий, тощий, с резкими скулами и тёмными глазами, которые вечно смотрели куда-то мимо тебя, как будто он знал что-то, чего ты не знаешь, и его это дико забавляло. У Рафа была такая фишка – стоять, привалившись к стене плечом, с сигаретой в длинных пальцах, и сканировать тебя взглядом, как будто ты – экспонат в музее. Не агрессивно. Хуже. С усмешкой. Такой лёгкой, еле заметной, от которой хотелось проверить – у меня тушь не потекла? Помада на зубах? Что не так?

Он увидел меня и расплылся в улыбке. Широкой, белозубой. Эта улыбка всегда вызывала у меня странное чувство и лёгкий такой холодок по коже. Как когда заходишь в тёмную комнату и вроде знаешь, что там никого, но всё равно что-то не так. Слишком много зубов. Слишком много удовольствия в глазах.

О-о-о, – протянул он, выпуская дым в сторону. – Какие люди. Сашенька. В платье. С букетом. Убийственно хороша. Он окинул меня взглядом – медленно, нагло, сверху вниз, от мокрых волос до каблуков, – и покачал головой. «Ну ты прям вау. Дёма знает, что ты едешь?»

– Нет, – ответила я, – сюрприз.

Что-то мелькнуло у него в глазах. Быстрое, тёмное – и пропало. Он затушил сигарету о стену, щелчком отправил бычок в лужу и распахнул передо мной дверь с таким жестом, будто он дворец-

кий в каком-то британском сериале.

– Ну, штош – протянул, – сюрприз так сюрприз. Пошли, провожу. Тут после концерта такой хаос, ещё потеряешься.

Я не хотела идти с ним. Серьёзно. Я знала дорогу до гримёрки, я ходила этим маршрутом сто раз. Но Раф уже шагал впереди, засунув руки в карманы узких чёрных джинсов, и мне тупо ничего не оставалось, кроме как топать следом. Каблуки стучали по бетонному полу, и эхо разносилось по пустому коридору. Тук. Тук. Тук.

– Крутой был концерт, – бросил Раф, не оборачиваясь. – Дёма сегодня отжёл. Голос – пушка. Девочки в зале вообще лютовали. Одна кинула лифчик на сцену, прикинь? Красный. С кружевом. Дёма потом ржал, что ему бы пригодился, только сайз маловат.

Он хохотнул. Я – нет. Я привыкла к таким историям. Это была часть его жизни. Часть того, что значило быть девушкой фронтмена самой хайповой рок-группы в стране. Фанатки, визги, чужие лифчики на сцене, тысячи дмшек от девок, которые писали ему такое, что у меня горели уши. Я научилась с этим жить. Я доверяла Дёме. Он был моим с пятнадцати лет. Пять лет. И за пять лет он ни разу – ни разу – не дал мне повода усомниться.

– Ты чё такая серьёзная? – Раф обернулся и пошёл спиной вперёд, глядя на меня с этой своей кривой ухмылкой. – Рилакс, Сашенька. Твой бойфренд тебя обожает. Это ваще все знают. Дёма и его Сашка – прям лав стори для Ютуба. Бонни и Клайд, только без стрельбы.

Он говорил это таким тоном, каким говорят комплименты, которые на самом деле не комплименты. С ноткой чего-то едкого. Едва уловимого. Как привкус лимона в воде.

Я хотела что-то ответить, но он уже остановился у знакомой двери. Гримёрка. Белая пластиковая табличка с надписью «ОСКОЛКИ», наполовину заклеенная стикерами. Раф привалился к стене рядом с дверью, скрестил руки на груди и выжидательно посмотрел на меня.

И вот тут я впервые это почувствовала. Не страх – нет. Что-то другое. Что-то в его взгляде. Он смотрел на меня так, будто ждал чего-то. Как чел, который пришёл в кино, уже прочитал спойлеры и теперь ждёт, когда главная героиня дойдёт до того самого момента.

С ожиданием.

С наслаждением.

– Ну, – сказал тихо, кивнув на дверь, – гоу.

Я должна была что-то понять. Потом, прокручивая этот момент по кругу, я буду думать: блин, я должна была что-то понять. По его глазам. По его ухмылке. По тому, как он сам привёл меня сюда, хотя я не просила. По тому, как он стоял у стены и не уходил.

Но я не поняла.

Я положила руку на ручку двери. Холодный металл. Я помню холод этой ручки – такая тупая, незначительная деталь, но она впечаталась мне в память намертво. Холодная дверная ручка. Последнее, что я почувствовала до того, как мой мир перестал существовать.

Я нажала на ручку и толкнула дверь.

Глава вторая

Сначала этот звук.

Прежде чем я увидела что-то, я услышала. Стон. Женский стон – протяжный, хриплый, низкий. Такой звук, который невозможно спутать ни с чем. Слышишь и сразу знаешь, что происходит, даже если твой мозг отчаянно пытается подсунуть другое объяснение. Может, это музыка.

Может, это телевизор. Может, это что-то совершенно невинное. Но это была не музыка.

Потом – запах. Он ударил меня как волна – тяжёлый, сладкий, удушающий. Чужие духи – приторные, с нотами ванили и чего-то ещё, чего-то дорогого и вульгарного одновременно. Смешанные с потом, алкоголем и запахом секса. Запах чужой женщины. Запах, которому не место в комнате, где должен быть только мой парень.

Ну и вишенка на торте – картинка.

Диван в гримёрке стоял напротив двери. Кожаный, чёрный, широкий. Я видела этот диван сотни раз. Сама сидела на нём, поджав ноги, и ждала Дёму после репетиций, листая телефон и попивая чай из бумажного стаканчика. Я засыпала на этом диване, накрытая его курткой, пока он возился с оборудованием. Это был наш диван. Мой и его.

Сейчас на этом диване была она.

На нём. Сверху. Её спина – узкая, голая, блестящая от пота. Чёрные волосы – густые, длинные – рассыпаны по плечам. Она двигалась на нём, и его руки лежали на её заднице.

Я видела его руки – эти руки, которые я знала наизусть, каждую линию, каждый шрам, каждую мозоль от струн. Его пальцы впивались в её кожу, и она стонала, запрокинув голову, и он – мой Дёма, мой Демид, мой мальчик с татуировкой «С» на запястье – застонал.

Глухо, рвано, это был звук удовольствия, который я привыкла

слышать только в темноте нашей спальни, только рядом с моим ухом, только для меня.

Только для меня.

Букет выпал из моих рук. Чёрные розы рассыпались по полу, и крафтовая бумага зашуршала, и это был такой тихий звук, почти ничего, но в этой комнате, в этой тишине между её стонами и его дыханием, он прозвучал как выстрел.

Я отшатнулась назад. Один шаг. Машинально, не думая, просто тело среагировало раньше мозга – как отдёргиваешь руку от огня.

И наступила на что-то.

Под каблуком хрустнуло. Тихий, мерзкий звук. Я посмотрела вниз. Фольга от презерватива. Серебристая, блестящая, смятая. Она лежала прямо у моей ноги, и рядом – ещё одна. И ещё. Три. Три пустых упаковки, разорванных и брошенных на пол.

Три.

Мой мозг – предательский, жестокий мозг – мгновенно сделал то, чего я не хотела. Он посчитал. Три презерватива. Три раза. Он трахал эту девку три раза. Не один – когда ещё можно было бы сказать себе, что это случайность, ошибка, минутная слабость, «ничего не значит, Шурка, клянусь, ничего не значит».

Нет. Три раза. Ему нравилось. Ему нравилось настолько, что одного раза было мало.

Эта мысль вошла в меня, как нож. Острая, раскалённая боль прямо под рёбрами, как будто кто-то реально проткнул меня насквозь. У меня перехватило дыхание. Стояла в дверях и не могла вдохнуть, как рыба, выброшенная на берег, рот открыт, а воздух не идёт.

Он открыл глаза.

Демид открыл глаза, и наши взгляды встретились, и я увидела, как в его зрачках вспыхивает узнавание, потом ужас, потом что-то ещё – что-то страшное и безумное, чему я не знаю названия.

«Сашка...»

Его голос. Его голос, от которого у меня пять лет подгибались

колени. Его голос, который пел мне песни в темноте, который шептал моё имя так, будто это самое важное слово на свете.

Этот голос только что стонал от удовольствия, пока чужая девушка двигалась на нём, и теперь он произнёс моё имя – моё имя – как будто оно что-то значило.

Как будто оно ещё что-то значило.

Девушка обернулась. Она не вскочила, не закричала, не попыталась прикрыться. Она просто повернула голову и посмотрела на меня – спокойно, с лёгким любопытством, чуть приподняв идеально нарисованную бровь.

Красивая. Очень красивая – модельная красота, холодная и точная, как чертёж. Тёмные глаза, скулы, пухлые губы в размазанной красной помаде. Этой помадой был испачкан его подбородок. И его шея. И, наверное, ещё что-то, чего я не видела и не хотела видеть.

Она посмотрела на меня так, как смотрят на что-то несущественное. На официантку, которая принесла не тот заказ. На случайного прохожего, который заглянул не в ту дверь. На ничто.

А потом – я клянусь, я не придумала это, хотя потом мне хотелось верить, что придумала – она улыбнулась. Едва заметно. Уголком размазанных красных губ. Как человек, который выиграл партию.

Демид скинул её. Резко, грубо – она вскрикнула, упала на бок, на диван, и он уже вскакивал, путаясь в джинсах, натягивая их одной рукой, другой тянясь ко мне.

– Саша, стой! Стой, подожди, это не – блин, это не – Саша!

Но я уже не стояла.

Я развернулась и пошла. Нет – неправильное слово. Мои ноги двигались, но я не шла. Я не принимала решения идти. Тело просто перестало стоять в этом дверном проёме, в этом запахе, в этом ужасе и потащило меня прочь – по коридору, мимо стен, мимо афиш, мимо всего.

Я не бежала. Я не плакала. Я не чувствовала ничего.

Визуализация

Пора познакомиться с нашими героями Саша или Александра
Соболева – студентка, красавица.

